

Александр Восьмой

**Книга 1. «Искра за
гранью тьмы»**

18+

Александр Восьмой

Книга 1. «Искра за гранью тьмы»

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 1. «Искра за гранью тьмы» / А. Восьмой — «Автор», 2026

В Космосе нет веса, но есть масса, у 10 ракет в 10 раз больше скорость, чем у одной ракеты. В пустоте, где свет ещё не научился бежать, рождается дерзкий замысел: собрать десять ракет в единый поток, чтобы умножить скорость и прорвать завесу неизведанного космоса. Юный навигатор, изгнанный из орбитального города за «безумные расчёты», находит союзников среди забытых механиков и старых капитанов. Вместе они бросают вызов законам инерции — и самой тьме, что глотает звёзды. Эпический старт саги: здесь рождается формула скорости, а цена каждого манёвра — чья то судьба.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Книга 1. «Искра за гранью тьмы»

Глава 1. Тьма, которая ещё не научилась бежать

В той части космоса, где даже эхо боялось звучать, тьма лежала, как тяжёлое одеяло, сотканное из безмолвия. Здесь не знали слова «скорость» — время будто застыло в вязкой пустоте, а звёзды прятались, словно стыдились своего света.

Юный навигатор Элиар стоял на краю заброшенной платформы, вцепившись пальцами в ржавые перила. Его изгнали из орбитального города за «безумные расчёты» — за то, что он шептал о скорости, будто это была молитва, а не формула. На груди у него висел потрёпанный хронометр, который отсчитывал не секунды, а надежды.

— Десять ракет, — бормотал он, глядя в чёрную бездну. — Десять потоков, слитых в один. Скорость умножается. Мы прорвём эту тьму.

Рядом скрипнула дверь ангара. Из полумрака вышел старый капитан Вэрс, в плаще, пропахшем космосом и горечью поражений. За ним семенил механик Тиль с коробкой шестерёнок и взглядом, в котором ещё тлел азарт.

— Ты хочешь обмануть инерцию, — хрипло произнёс Вэрс. — А инерция не любит, когда её обманывают.

— Значит, мы будем первыми, кто ей понравится, — не дрогнув, ответил Элиар.

Тиль хмыкнул и протянул навигатору потрёпанную схему:

— Тут не хватает деталей. Но если ты прав... если скорость действительно можно умножить... тогда эта тьма — не стена. Она — вызов.

Элиар развернул схему. Линии сплетались в узор, похожий на след кометы. Где-то в глубине схемы мерцала точка — начало пути.

В этот миг тьма впервые почувствовала, что её собираются обогнать. И она задрожала — не от страха, а от предвкушения битвы.

Формула рождалась не на бумаге. Она рождалась в решимости троих, готовых заплатить любую цену за то, чтобы свет научился бежать.

Глава 2. Орбитальный город Эннар

Эннар висел над мёртвой планетой, словно застывшая буря из колец и тросов. Вращение было его дыханием, инерция — его законом. Каждый сектор двигался по строгому узору, будто город боялся сделать лишний шаг — ведь здесь даже тень, сорвавшись, могла утянуть за собой целый район.

В залах Совета Навигаторов царила холодная тишина. Бронзовые стрелки на гигантских циферблатах отсчитывали не время, а допустимые пределы скорости. Здесь не спорили о звёздах — здесь утверждали границы. И именно в этих стенах когда-то прозвучали слова, стоявшие Элиару дома: «Скорость можно умножить».

Теперь он смотрел на город снизу — с края теневой стороны, где стыки колец терялись в полумраке. Рядом стояли Вэрс и Тиль. Старый капитан шурился, будто пытался прочесть в изгибах тросов судьбу.

— Здесь каждый манёвр — ритуал, — пробормотал Вэрс. — А ты хочешь превратить ритуал в бурю.

— Буря быстрее тишины, — тихо ответил Элиар.

Тиль постукивал пальцами по ящику с деталями:

— В нижних доках шепчутся, что у старых буксиров есть запас прочности. Не по регламенту, конечно. Но если собрать десять двигателей... если пустить их в едином ритме...

— Инерция не простит нам этого ритма, — перебил Вэрс.

— Зато космос запомнит, — твёрдо сказал Элиар.

Где-то высоко над ними, в сердце Эннара, медленно повернулась секция — будто сам город прислушался к этим словам. И в этом повороте мелькнуло что-то похожее на сомнение. Впервые за сотни лет орбитальный город будто задумался: а что, если пределы можно сдвинуть?

Элиар поднял голову. Между кольцами мерцала узкая полоса открытого космоса — чёрная дорога, которую никто не решался назвать путём.

Он сделал шаг вперёд.

Не ради славы. Не ради признания. А ради формулы, которая должна была родиться не в зале Совета, а в дерзком манёвре — там, где скорость станет голосом, способным перекрыть саму инерцию.

Глава 3. Безумные расчёты Кэла

В тесной капсуле, где даже воздух казался сжатым от тесноты, Кэл водил светящимся стилусом по стене, будто высекал судьбу из пустоты. На гладкой поверхности вспыхивали линии, сплетаясь в узор, который никто в Эннаре не хотел видеть: десять векторов, сливающихся в один ослепительный поток.

— Десять ракет, — шептал он, не замечая, как дрожат пальцы. — Масса остаётся, вес исчезает... Инерция не останавливает — она складывается!

Он верил в эту формулу так, как верят в рассвет те, кто никогда не видел солнца. Для него это была не математика — это была песня, в которой каждая цифра звенела, как нота.

Дверь с шипением отъехала в сторону. В проёме застыли фигуры в строгих плащах — члены Совета Навигаторов. Их лица были холодны, как тени на стыках орбитальных колец.

— Ты нарушаешь основы, — произнёс старший советник, не повышая голоса, и это делало его слова ещё страшнее. — Инерция — не мелодия, которую можно переиначить.

Кэл не опустил стилус.

— А если это и есть новая основа? — тихо, но твёрдо спросил он. — Если космос ждёт, что кто-то осмелится сложить скорости, как складывают паруса перед штормом?

Советник шагнул вперёд и провёл ладонью по стене. Светящиеся линии погасли, растворились, будто их и не было. Но в воздухе ещё витало эхо формулы — то самое, что нельзя стереть, потому что оно уже зажглось в чьей-то душе.

— Ты изгнан, — прозвучало как приговор. — И пусть твоя «песня» больше не звучит в стенах Эннара.

Когда дверь закрылась, Кэл остался один. Он не смотрел на пустую стену. Он смотрел на свои руки — на пальцы, которые помнили каждый штрих. Формула жила не на поверхности — она жила в нём.

А потом дверь снова открылась. На пороге стоял Вэрс, старый капитан с глазами, в которых отражались тысячи пройденных орбит. Рядом пританцовывал от нетерпения Тиль, сжимая в руках потрёпанную схему.

— Говорят, ты умеешь делать невозможное слышимым, — хрипло сказал Вэрс.

— Я просто не умею молчать, когда слышу космос, — ответил Кэл.

Тиль протянул ему свёрток:

— Тут не хватает деталей. Но если твоя формула верна... если десять потоков действительно могут стать одним... тогда у нас есть шанс не просто лететь — а опережать тень.

Кэл развернул схему. Линии на ней повторяли его узор — неуверенно, робко, но узнаваемо. И в самом центре мерцала точка старта — та самая, с которой начинается путь сквозь тьму.

Он улыбнулся — впервые за долгие циклы.

Формула не умерла. Она нашла тех, кто готов был рискнуть всем, чтобы дать ей крылья. И теперь впереди ждала не просто дорога — а вызов самой инерции, закованной в кольца Эннара.

Глава 4. Нижние палубы и забытые механики

Нижние палубы Эннара жили своей, глухой жизнью — не ритмом часов, а стуком молота и шипением перегретых клапанов. Здесь свет не падал сверху, а пробивался сквозь щели, будто боялся потревожить спящую сталь. Ржавые фермы тянулись во тьму, как рёбра древнего зверя, а замёрзшие трубы звенели от каждого вздоха ветра.

Кэл шёл по скрипучим мосткам, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он больше не был навигатором из верхних колец — здесь его статус ничего не значил. Значение имели только руки и чертёж, который он сжимал в пальцах, словно талисман.

В глубине ангара мерцал неровный свет сварки. Возле разобранного двигателя копошились люди в замасленных комбинезонах. Они не смотрели на небо — они смотрели на металл, будто в нём были спрятаны все ответы.

— Эй, — окликнул Кэл, останавливаясь у края света. — Мне нужны те, кто помнит, как заставить машину хотеть лететь.

Один из механиков поднял голову. Лицо его было исчерчено шрамами от искр, а взгляд — острым, как кромка лезвия.

— Тут не верят в мечты, — хрипло сказал он. — Тут верят в момент, когда мотор тянет. Что у тебя есть?

Кэл развернул чертёж. Линии дрожали в неровном свете, но узор оставался чётким: десять потоков, сливающихся в один.

Механик наклонился, прищурился, провёл пальцем по схеме — не как учёный, а как человек, чувствующий металл кожей.

— Десять ракет в едином ритме... Ты хочешь не просто лететь, — пробормотал он. — Ты хочешь обмануть инерцию.

— Не обмануть, — тихо поправил Кэл. — Использовать её. Пусть она станет топливом.

Механик выпрямился и посмотрел на своих. В его глазах мелькнуло что-то похожее на азарт — тот самый, что живёт в груди у тех, кто чинит невозможное.

— Зови меня Борг, — сказал он наконец. — А это — мои. Мы не знаем твоих формул, но знаем, как заставить железо слушать. Покажи, где тут боль, и мы её вылечим.

Тиль, стоявший позади Кэла, радостно фыркнул и вытряхнул из сумки ворох деталей:

— У нас есть тяга. Осталось заставить её хотеть одного и того же.

Борг хмыкнул, взял одну из деталей, повертел в пальцах и кивнул:

— Тяга — это хорошо. Но ритм — это жизнь. Если десять сердец будут биться вразнобой, металл разорвёт сам себя.

— Значит, мы научим их биться вместе, — твёрдо сказал Кэл.

Где-то над ними, в верхних кольцах, Совет Навигаторов продолжал отсчитывать безопасные пределы. Но здесь, среди ржавчины и забытого тепла, рождалось другое измерение скорости — то, что измеряется не цифрами, а решимостью.

Инерция ждала, что её покорят. И впервые за долгие циклы она почувствовала: этот город вот-вот сделает шаг, который изменит орбиту всего мира.

Глава 5. Старый капитан Роу и его последний рейс

Ангар пах ржавчиной, старым маслом и чем-то неуловимо горьким — будто здесь оседала сама усталость от несбывшихся полётов. В полумраке, среди обломков былой славы, сидел капитан Роу. Перед ним дымился стакан остывшего кофе, а взгляд упирался в иллюминатор, за которым звёзды казались не приглашением к полёту, а насмешкой.

Когда-то его «Серебряный Ливень» рассекал орбиты, словно клинок — резко, точно, без права на ошибку. Теперь корабль разобрали на запчасти, а Роу стал тенью собственной легенды.

Кэл шагнул в полосу тусклого света, сжимая в пальцах свёрток с расчётами. Руки слегка дрожали — не от страха, а от тяжести того, что он собирался предложить.

— Я знаю, что вы видели космос так, как никто другой, — тихо начал Кэл. — И я знаю, что сейчас вы смотрите на него и не хотите верить ни в какие новые пути. Но я должен показать вам одну вещь.

Роу не шевельнулся. Лишь чуть приподнял бровь, будто решал, стоит ли тратить на мальчика хоть крупицу внимания.

Кэл развернул схему. Линии вспыхнули в свете лампы — десять потоков, сливающихся в один. Формула, за которую его изгнали, теперь лежала перед человеком, который когда-то умел превращать расчёты в легенды.

Долгое время Роу молчал. Он не тянулся к бумаге, не шурился, пытаясь разобрать цифры. Он просто смотрел — так, будто видел не линии, а то, что за ними: риск, скорость, обрыв, прыжок в неизвестность.

Наконец он отставил стакан. Звук был неожиданно громким в этой тишине.

— Ты не безумен, — произнёс Роу, и в его голосе не было ни снисхождения, ни восторга — только спокойная уверенность старого волка, который чует бурю. — Ты просто слишком молод, чтобы бояться. А мне уже нечего терять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.